ИМАЖИНИСТЫ

Александр Кусиков

Коробейники счастья

Вадим Шершеневич

ИМАЖИНИСТЫ

КОРОБЕЙНИКИ СЧАСТЬЯ

Александр Кусиков
Вадим Шершеневич

Киев
1920 г.

Александр Кусиков

КОЕВАНГЕЛИЕРАН

Поэма причащения.

I.

Полумесяц и Крест,
Две Молитвы,
Два Сердца,
(Только мне
—никому не дано)
В моей душе христианскаго иноверца
Два Солнца,
А в небе одно.

2.

Звездный купол церквей,
Минарет в облаках.
Звон дрожащий в затоне,
И крик муэдзина.
Вездесущий Господь,
Милосердный Аллах —
Ля иля иля-ль ла, *)
И во Имя Отца,
Святого Духа,
И Сына.

3.

Два Сердца,
Два Сердца,
Два Сердца живых,
Два Сердца трепещущих разно,

---

*) Нет Бога, кроме Бога.

Молитвенно бьются в моей рассеченной груди,—
Вот закутанный в проседь черкес,
Вот под спицами няня.—
И мне было рассказано,
Что у Господа Сын есть любимый,
Что Аллах в облаках Един.

4.

Разбрызгалось солнце в небе
Лучами моей души,
Надежд моих радужный гребень
Седину облаков расчеши.

5.

Нет во мне капли черной крови
Джин не коснулся меня—
Я рядился в базу коровьем
Под сентябрское ржанье коня.

Заколотым осень верблюдом
Жертвой к рожденью легла,
В замке предугаданным чудом
Припала отмычки игла.

Порешили, что буду немым я,—
Но с червонным пятном на ноге
Я прильнул на сладчайшее вымя,
Когда ночь была в лунной серьге.

Тайну месил я в кизеки,
Выглядывал в базову щель.—
Но вот, на лесной засеке
Отыскал я незримую Ель.

Вековая в небо верхушкой,
В рассыпанный солнцем овес—

Я взобрался и в ночь прослушал
Мерцающий шепот звезд.

Сквозь сосцы бедуинки Галимы,
Сквозь дырявый с козленком шатер,
«Я» проникло в куда-то незримо,
Как кизечный дымок сквозь костер.

Не нагонит напев муэдзина,
Не вернет призывающий звон.
Если глас вопиющий в пустыне
Бросил «Я» в неисходное «Он».

6.

Высохло озеро Савской царицы,
Захлебнулся Ефрат — и в простор...

Помни, — нельзя укрыться, —
Если лучится укор.

Так не укрылся Ирод,
Волхвы не [illegible] к нему —
Помни, [illegible] всему миру
Не [illegible] мук.

Долго будут еще над отцами
Биться слез газыри.
Пока все не проникнут сердцами
В апельсиновый сад зари.

Пока все не умчатся за грани,
За нельзя на крылатом коне, —
Будет веков умиранье, —
Быть Аль-Хотаме в огне.

Будут еще потопы,
Ковчег и все новый Ной—
На бессильный погибели ропот
Пришел уже Третий, иной.

Был Назаретский Плотник,
Погонщик верблюдов был,
Еще один Черный Работник
Не поверил,—и молотом взвыл.

Ослята словами запели,
Овцы поклонами в зем -
Прозрели,
Прозрели,
Прозрели,
Два глаза его,—две газели
Из колодца любви Зем-Зем.

7.

Сквозь мудрость сосцов Галимы
Вскормленный ее молоком,
В никуда я проник незримо
Из база кизечным дымком.

1918 - 1920 г.

АЛЬ-БАРРАК.

О время грива поределая
Я заплету тебя стихом,
Подолгу ничего не делая,
Я мчался на коне лихом.

Уздой порыв, надежда-стремя,
Серебряное стремя дня.
И выстраданный вздох мой семя,
Растущее вокруг меня.

Швырнул я сердце звонко в эхо,
В расстреленный раскат грозы.—
И пал расколотым орехом
С нагорной выси мой призыв.

Я мчался на коне крылатом
В нельзя, за грани, в никуда,
За мной дома и сакли, хаты,
Аулы, села, города.

Так что-же, разве конь подстрелен,
Иль эхо выкрала заря—
Все сем небес подперли ели,
Моих стихов священный ряд.

Я все познал, еще познаю,
Еще, еще, за мною все,

Мы не в луну сабачим лаем,
Мы в предугаданный рассвет.

Я этот мир в страну другую
Несу в сознательном бреду,
Я радугу дугу тугую
Концами жилисто сведу.

О в дали белая дорога,
О сладостных томлений рок...
Нет в небе Бога кроме Бога
И Третий Я Его Пророк.

Так мчись же конь, мой конь незримый,
Не поредела грива дней,
В четвертый мир неизмеримый,
В заглохший сад души моей.

14/IV. 20 г.

Притти отгуда
И уйти в туда,
Опять притти,
Опять уйти,
И снова. . . . .
О бред мучительный «в куда?»
О недосказанное слово.

Ночь Ариман и День Ормузд—
Бессмертна смерть в бою вращений.
А сердце затаенный груз
Слепых, блуждалых предрешений.

В скворешник глаз зрачков скворцы
Все тащут с солнц и с лун соломки,
Но им из золотой ворсы
Гнезда лучистого не скомкать,

И мне семь неб не растаскать,
Не перегрызть мне звезд орешки...
И поднебесная тоска,
И взор заплаканный скворешник.

Но палочкой земной оси
Я покачу экватор обручем
В неразгаданную синь,
Прямо в синь,
В туда,
В заоблочье.

26/XII. 19 г.

Так ничего не делая, как много делал я,
Качая мысли на ресницах сосен.
Я все познаю вечность затая,
И яблоко земли проткну я новой осью.

Нагорный лес причудливых видений,
Тропинки тайн неперечтенных строк—
Здесь я выслеживал незримаго оленя
Моих проглоченных тревог.

О сколько слов в шуршащем пересвисте
Роняет с крыл совиный перелет,
Когда заря кладет в ладони листьев
Копейки красные своих щедрот.

Туман свисает бородой пророка.
Я полным сердцем вечер затая,
Поймал звезду упавшую с востока..
Так ничего не делая, как много делал я.
6/VIII. 19 г.

Уносился день криком воронья,
Предвечерний час недвижнаго дрожанья,
В этот час совы свой табун храня,
Познавал я мир в перекличном ржанье.

В этот час всего:— грохота, тиши,
Хаоса, бессмертья, умиранья—
Я познал, что не пронзит души
И смертельно душу не изранить.

Раскололся шар огненно-литой,
Расплескалась кровь огромнаго граната —
Облак белый конь в сбруе золотой
Умирал в бою гремящаго заката.

7/III. 20 г.

Дырявый шатер моих дум —
Штопают спицы луны. —
Я звездные тайны краду
Вбивать золотые клины

Недостижений червь
Дни просверлит в виске —
Поэт никому не верь
Даже в надломной тоске.

Твой неисходный день
Сердцем стучится в Сад. —
Так в голубой плетень
Лапой зари лиса.

5/V. 20 г.

Вадим Шершеневич

ПЕСНЯ ПЕСНЕЙ.

ГЛАВА I.

1.

Соломону — первому имажинисту,
Одевшему любовь Песней Песней пестро
От меня, на паровозе дней машиниста,
Верстовые столбы этих строк.

2.

От горба Воздвиженки до ладони Пресни
Над костром всебегущих годов,
Орать эту новую Песню Песней
В ухо Москвы, поросшее волосами садов.

ГЛАВА 2.

1.

Фабричные, упаковщицы, из Киноарса!
Девчонки столиц! Сколько раз вам на спины
лечь?
— Где любовник твой? Он Венеры и Марсы
В пространство, как мировую картечь!

2.

Мир беременен твоей красотою,
В ельнике ресниц зрачок чиж.
На губах помада краснеть зарею,
Китай волос твоих рыж.

3.

Пальцам мелькать — автомобилям на гонке,
Коромыслу плеч петь хруст.

Губами твоими, как гребенкой,
Мне расчесать мою грусть.

4.
Груди твои—купол над цирком
С синих жилок ободком,
В полночи мотоциклетные дырки
И трещины фабричных гудков.

5,
Живота площадь с водостоком пупка
посредине.
Сырые тунели подмышек. Глубоко
В твоем имени Демон Бензина
И Тамара Трамвайных Гудков.

Твои губы зарею выгореть
И радугой укуса в мое плечо.

7.

Твои губы берез аллея
Два соска догоретый конец папирос.
Ты прекрасен, мол твердый шеи,
Под неразберихой колес.

8.

Лица мостовая в веснушках булыжника.
Слава Кузнецкому лица.
Под конвоем любви мне, шерамыжнику,
Кандалами сердца бряцать.

ГЛАВА 4.

1.

В небе молний ярче и тверже
Разрезательные ножи.
Пульс -- колотушка сторожа
По переулку жил.

2.

Пулемет кнопок. Это лиф—ты
От плеч до самых ног.
Словно пение кверху лифта,
За решоткой ресниц зрачок.

3.

Магазинов меньше в пассаже,
Чем ласк в тебе.

Ты дремать в фонарном адажио.
Ты в каждой заснуть трубе.

4.
Как жир с ухи уполовником,
Я платье с тебя на пол.
— Где сегодня твой любовник?
— Он трамваи мыслей в депо.

5.
Сердцу знать свою частушку
Все одну и ту ж.
Плешь луны к нам на пирушку,
Как нежданный муж.

6.
Твои губы краснее двунадесятника
На моих календаре.
Страсть в ноздрях — ветерок в палисаднике
В передлетнем сентябре.

ГЛАВА 5.

1.
Весна сугробы ртом солнца лопать,
Чтоб каждый ручей в Дамаск.
Из за пазухи города полночи копоть
На Брюссели наших ласк.

2.
На улице рта белый ряд домов
Зубов
И в каждом жильцами нервы.
В твой зрачок спокойное трюмо
Я во весь рост первый.

3.
Под коленками кожа нежнее боли,
Как под хвостом поросенка.
На пальцах асфальт мозолей

И звонка
Луж перепонка. —

4.
С ленты розовых поцелуев от счастья ключ,
1-2-3 и открыто.
Мои созвучья—
Для стирки любви корыто.

5.
Фабричные, из терпимости, из конторы!
Где любовник твой?
—Он одетый в куртку шоффера,
Как плевок, шар земной.

6.
В портсигаре губ языка сигара... Или
Где машинист твоих снов?
— Он пастух автомобилий,
Плотник крепких слов.

ГЛАВА 6.

1.

Как гоночный грузовиков между,
Мой любовник мужчин среди.
Мной и полночью восславленный трижды,
Он упрямым любовью сердит.

2.

Его мускулы — толпы улиц;
Стопудовой цоходкой гвоздь шагов в тротуар.
В небе пожарной каланчою палец
И в кончиках пальцев угар.

3.

В лба ухабах мыслей пролетки,
Две зажжоных цистерны — глаза.

Как медведь в канареечной клетке,
Его голос в Политехнический зал.

4.

Его рта самовар, где уголья
Золотые пломбы зубов.
На ладони кольца мозольи
От сбиванья для мира гробов.

5.

И румянец икрою кета
И ресницы коричневых штор.
Его волосы глаже паркета
И невским проспектом пробор.

6.

Эй, московские женщины! Кто он,
Мой любовник, теперь вам знать!
Без него я, как в обруче клоун,
До утра извертеться в кровать.

лава 7.

1.
Каменное влагалище улиц утром сочиться.
Веснушки солнца мелкий шаг.
—Где любовник? Считать до 1000000 ресницы
Губы поднимать, как над толпами флаг.

2.
Глаза твои—первопрестольники,
Клещами рук охватить шейный гвоздь.
Руки раскинуть, как просек Сокольников,
Как через реку мост.

3.
Твои волосы, как фейерверк в саду «Гай»,
Груди, как из волн простыней медузы.

Как кием, я небесной радугой
Солнце в глаз твоих лузы.

4.
Прибой улыбок пеной хохота
О мол рассвета брызгом смех,
И солнце над московским грохотом
Лучей чуть рыжих лисий мех.

5.
Я картоном самым твердым
До неба домики мои.
Как запах бензина за Фордом,
За нашей любовью стихи.

6.
Твоих пальцев взлетевшая стая,
Где кольцо—золотой кушак.
В моей жизни, где каждая ночь—запятая,
Ты—восклицатеный знак!

ГЛАВА 8.

1.

Соломону-имажинисту первому,
Обмотавшему образами простое люблю,
Этих строк измочаленных нервы
На шею, как петлю.

2.

Слониха 2 года в утробе слоненка,
После в мир на 200 лет.
В животе мозгов ¼ века с пеленок
Я вынашивать этот бред.
И у потомства в барабанной перепонке
Выжечь слишком воскресный след

3.

«Со святыми упокой» не етрашно этим
строчкам:
Им в новой библии первый лист.
Всем песням песней на виске револьверной
точкой
Я - последний имажинист.

19 июля 1919 г.

СКЛАД ИЗДАНИЯ
„Книжная лавка поэтов“.
Москва, Камергерский пер. дом № 2.